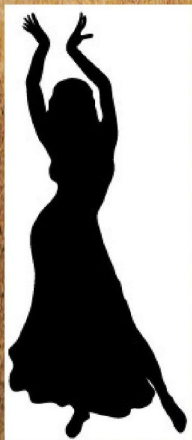

Н.Гурина -Корбова

МЕТАМОРФОЗЫ ЖИЗНИ

**Наталья Константиновна Гурина-
Корбова**
Метаморфозы жизни
Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53606309

Метаморфозы жизни:

Аннотация

Наша жизнь представляет из себя сплошные метаморфозы, рядом прекрасно существуют добро и зло, красота и уродство, любовь и ненависть... Как преодолевать все странные и сложные жизненные ситуации? Об этом возможно найдётся ответ в этом сборнике.

Содержание

Клин клином	4
Монолог	15
Её мужчины	19
Самые красивые цветы	27
Три возраста черёмухи	40
Парик	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталия Гурина-Корбова

Метаморфозы жизни

Клин клином

Саша подошла к всеящему в прихожей настенному календарю с красивым горным пейзажем и перечеркнула жирным крестом сегодняшний день. Вот и ещё один без него. Они расстались ровно два месяца назад, время летит быстро, но вопреки положенному своему назначению почему-то не лечит, а на сердце как была тягучая ноющая боль, так и осталась.

Вызывающе громко, ей даже показалось, что громче обычного, прозвучал кумпарситой мобильник, от неожиданности она вздрогнула. Он?! Нет, Лера, подруга.

– Сашка, привет! Ну, что ты всё киснешь? Сколько можно, давай-ка собирайся и к Кузнецовой подкатывай, мы тебя ждём.

– Да, нет, Лера, вы уж без меня, устала после работы, да я и не в форме... – она ещё что-то придумывала в оправдание для того только, чтобы никуда не идти: совершенно не хотелось ни видеть, ни слышать, ни тем более говорить ни с кем.

– А я говорю, быстро собирайся и приходи. Тут такая ситуация, что без тебя никак нельзя. А твою меланхолию мы

быстренько вылечим, – в трубке послышались ещё голоса и музыка; шепотом Лера добавила, – Понимаешь, приехал мой Валерка в командировку и с ним два мужика, очень респектабельные, ну и... нам для комплекта надо ещё девушку. Ну, я очень тебя прошу, и Анечка просит, приходи. Тебе полезно: клин клином вышибают. А то ты так своего Макса никогда и не забудешь.

Саша помедлила и решила пойти.

Аня Кузнецова жила в соседнем доме и была далёкой родственницей Сашиной подруги Леры. Милая и симпатичная женщина хорошо за тридцать, у неё всегда собирались какие-нибудь компании, она любила принимать гостей и знакомых, и незнакомых. Сын постоянно прибывал у бабушки, а она пыталась, и всё никак не могла, устроить свою личную жизнь.

Саша несколько раз бывала у Кузнецовой на таких посиделках и ей даже нравилась лёгкая, ни к чему не обязывающая обстановка этого дома. Посидеть, поболтать, музыку послушать, кофе попить. Гости попадались весьма интересные, разговаривали про театр, кино и литературу, никакой политики и похабщины. Всё интеллигентно и пристойно.

Дверь открыла хозяйка.

– Сашка, молодец что пришла, давай заходи. А то мне Лерка тут такую картину нарисовала, будто ты уж там совсем от любви помираешь, – тараторила Аня, пропуская Сашу вперёд, – а выглядишь ничего, вполне сносно... Эй, встре-

чайте, это наша Сашенька, – и она подтолкнула смущённую гостью в комнату.

Смутилась Саша только в первую минуту, а потом, оглядев присутствующих в гостиной мужчин и раскрасневшуюся довольную Леру, ей почему-то стало до того всё безразлично, что у неё даже настроение поднялось от нахлынувшего пофигизма, и она с бодрым видом стала отвечать на приветствия: Валерий- это недавний знакомый Леры, кругленький, пузатенький розовощёкий толстячок лет тридцати-тридцати пяти, Тимур – невзрачный худощавый брюнет и Семён – высокий русский... необыкновенно похожий на Макса. Сашу аж током пронзило, настолько сильным было это сходство. Мистика какая-то: так же близко посаженные глаза, тот же прищур из-за лёгкой близорукости, то же очертание узких губ, такие же волнистые волосы, только цветом чуть потемнее, а главное и фигура, и манера говорить та же. Она не могла точно понять приятно ли ей такое сходство, напоминающее о близком и родном человеке, с которым она недавно рассталась, или нет. Скорее она чувствовала некое любопытство и грусть. В полумраке комнаты, освещённой по обыкновению несколькими свечами в ветвистых под бронзу канделябрах- гордости хозяйки любившей всё устроить в стиле вечеров Серебряного века, Саше становилось всё уютнее и спокойнее. А уж после нескольких рюмок Мартини она призналась себе, что ей хорошо впервые за эти тяжёлые месяцы, пропитанные обидой и болью разрыва с Максом. Тихая му-

зыка проникала живительным бальзамом в каждую клеточку чуть опьяневшего её существа. Она с удовольствием танцевала с Семёном, немного отстраняясь от его настойчивых прикосновений. Он тоже приехал в командировку, но не из Питера, как Валерий и Тимур, а из Челябинска. Просто их поселили в одном гостиничном номере. Он разведён и дочка живёт с бывшей женой. С женой жили плохо, она постоянно изменяла и т. д. и т. п. Саша чувствовала, что она ему понравилась и это вызывало в ней забытое чувство уверенности в себе. Он попросился её проводить и она согласилась, но, не понимая почему, ей не хотелось афишировать своё местожительство, тем более, что это местожительство было совсем рядом. Они сели на автобус идущий к метро и там она быстро с ним распрощалась, прыгнув в следовавший обратно к дому трамвай- Семён всё равно не ориентировался и её уловку так и не понял. Обратную дорогу Саша всё думала про Макса, про метаморфозу сходства его с этим Семёном, про свою глупую выходку- желание шифроваться непонятно зачем. И про то, что знакомство это никакого продолжения иметь не может.

Через два дня Семён позвонил, объяснив, что телефон её добыл у Леры через Валерия. Она за это время успела совсем его позабыть, но на предложение встретиться, непонятно для самой себя, ответила согласием. Они встречались ежедневно, пока через неделю не закончилась его командировка и он не уехал обратно к себе в Челябинск.

Дальше были частые звонки и разговоры, потом он приехал на выходные, потом была близость, которая не сблизила их. Саша постоянно сравнивала его с Максом и в какой-то момент её стало раздражать это неизбежное и ставшее сильно напрягать надоедливое сравнение.

– Саш, ну что у вас с Семёном? – Лера явно для приличия спросила подругу.

– Да не знаю даже, что ответить. Он вроде бы серьёзно настроен, предложение сделал.

– Да ты что!?! Это надо же, уже и предложение? – Лера, без видимой радости, а скорее с плохо скрываемой завистью, уставилась на подругу. – А мой Валерий даже и тему эту не поднимает, ссылается, что ещё не разведён... Ну, и что ты ответила?

– Сказала, что подумать надо. Я ведь, Лер, ничего к нему не чувствую...

– Всё тебе чувствовать надо?! Ты, дорогая, уже начувствовалась, по-моему, предостаточно! Толку от этих чувств никакого, только мешки под глазами от бессонных ночей и морщинки появляются. А потом, уже не девочка, замуж надо выходить. Он кем работает-то, забыла спросить?

– Да инженер на ТЭЦ какой-то, я в это не особенно углублялась.

– А ты бы углубилась: какая зарплата, какая жилплощадь? Кто родственники? Углубись, углубись...

– Да не всё ли равно, он же в Москву всё равно переедет

и работу здесь искать надо. У него там вроде мама одна.

После этого разговора Саша и вправду решила повнимательнее присмотреться к Семёну, он приезжал почти каждые две недели и она потихоньку стала к нему привыкать. Многое ей было непонятно в его поведении и кое-что даже настораживало: он охотно планировал их дальнейшую совместную жизнь, прохаживаясь по квартире прикидывал, что и где потом он поменяет из мебели (благо денег у него, с его слов, хватает), рассказывал в красках, как расправлялся с ухажёрами жены-изменщицы, как однажды кого-то из них чуть не убил в порыве злости, как мечтает о настоящей крепкой семье и верной жене.

Разговаривали они обычно на повседневные, ни к чему не обязывающие темы, но скучно ей не было. Саша старалась больше не думать о Максе, о причинах их разрыва, ей всё чаще приходила в голову мысль о бесперспективности ожидания большого светлого чувства и о преимуществах просто надёжного, пусть и серенького, обывательского тыла. В один из его приездов, когда Семён в очередной раз завёл разговор о совместной жизни, передав привет от уже посвящённой в его планы матери, Саша дала своё согласие. Но говоря "да" она почувствовала какую-то фальшь и обречённость, она не испытала никакого другого чувства, даже мимолётного волнения. Утром они пошли подавать заявление в ЗАГС, здание которого находилось неподалёку. Идя по такому важному делу, Саша удивлялась своему спокойствию и полнейше-

му равнодушию, её ощущение можно было, пожалуй, сравнить с ощущением обречённости агнца, ведомого на заклание, если агнец вообще мог хоть что-то чувствовать и понимать в этот исторически поворотный момент своей жизни. Только один раз в голове промелькнула мысль: "Зачем я это делаю? Какая-то глупость..."

Когда они стали заполнять листки заявления, выяснилось, что у Семёна не было с собой "Свидетельства о разводе", он оставил его по оплошности дома в Челябинске. Саша почувствовала такое облегчение, будто тяжеленный камень упал с её запутавшейся души и она восприняла это, как знак свыше: Господь уберёт её от чего-то совершенно ненужного.

Домой они возвращались каждый со своим настроением: Саша готова была прыгать от радости, а Семён выглядел мрачнее тучи. В тот момент она решила, что больше ни за что эту глупость не повторит.

Через день он уехал в свой Челябинск, намереваясь прибыть обратно через неделю со злополучным "Свидетельством". Когда он позвонил через два дня, Саша попросила у него прощения, признавшись, что не любит его и твёрдо сказала ему, что выходить замуж за него не собирается – это была ошибка с её стороны и она обо всём сожалеет. После недолгого молчания на том конце связи, раздались страшные ругательства. Потом он посылал SMS-ки каждый час то матерясь, то умоляя. И с каждым таким посланием Саша всё больше и больше убеждалась что то, что произошло от пер-

вой минуты знакомства с Семёном до последнего события с неудавшейся подачей заявления, было одним страшным недоразумением, ненужной и даже роковой ошибкой. И этот клин, которым она собиралась выбить другой, острый, мучивший её, приносящий невероятные страдания, этот новый клин в лице Семёна, ничего спасительного не принёс. И то, что Семён каким-то странным образом походил на Макса являлось жутчайшим издевательством, насмешкой над её ранимой психикой.

Новый год Саша встречала в большой компании вместе с Лерой и Аней Кузнецовой. Они несколько раз пытались выведать у Саши причину её резкого отказа Семёну, Аня вообще удивлялась, как можно так глупо упустить возможность скорого замужества, когда сам мужик так этого хочет. Лера более понимала Сашу, для неё слово "любовь" имело достаточно вескую причину для согласия или отказа в создании семьи.

6 января, как раз в канун Рождества Христова, Саша пришла пораньше домой, решив навести порядок в доме. Она, переделав все накопившееся дела, приняв ванную и с намотанным на вымытую голову тюрбаном из махрового полотенца, решила заранее порезать салат "Оливье" на завтра, в духовке пёкся праздничный пирог, аромат пронизывал всю квартиру и настроение от этого было превосходным. Раздался звонок в дверь, открыв её, Саша увидела Семёна. Он буквально ворвался в квартиру грубо отстранив её в сторону.

– Ну, и где твой новый любовник? Где ты его спрячешь, тварь подзаборная?! – с налитыми кровью глазами, крича и матерясь он возбуждённо шнырял по всем уголкам квартиры, Саша не ожидала увидеть его в таком состоянии.

– Какой любовник, Семён, с чего ты это взял? – она попыталась перевести его вопрос в шутку, но он не намерен был шутить.

– Ты думаешь, я дурак последний? Вы все тут в Москве шлюхи, меня побоку, а сама другого нашла... – И дальше шла такая брань и оскорбления, что опешившая Саша не знала как дальше себя вести, она пыталась оправдаться, объяснить, потом поняв всю бесполезность этого, просто молча ждала, когда этот поток грязи в её адрес иссякнет. В какой-то момент времени Семён взбесился настолько, что схватил с кухонного стола большой нож, которым Саша только что резала овощи и угрожая начал махать им у неё перед носом. И тут к Саше вернулось самообладание, она спокойно стояла и никак не отреагировала на эту его выходку. Такое её поведение по – видимому охладило его возбуждённый мозг, он ожидал её испуга и ответной бурной реакции, ора, истерики, всего чего угодно, но только ни такого спокойствия невиновного человека. Внезапно он прекратил кричать и медленно положил нож на место. Саша стояла не шевелясь, внутри у неё всё похолодело и она была на грани обморока.

– Извини, я погорячился, – тихо сказал Семён и выбежал вон с силой хлопнув дверью.

Саша безмолвно опустила тут же на пол кухни, слёзы бурным потоком хлынули из глаз.

Он приходил ещё ни раз, она не открывала, тогда он колотил в дверь, грозил, запугивал, слыша его истошные крики перепуганные соседи вызывали милицию. Он бесконечно звонил по телефону извиняясь, прося прощение и тут же опять угрожал, что не даст ей спокойно жить. Саша боялась поздно возвращаться домой, не исключая возможность, что он каким-либо способом выследит её. Этот кошмар казалось не кончится никогда. Лера чувствовала себя виноватой, хотя вины её в создавшейся ситуации не было, она на время переехала к Саше жить.

Только через полгода Саша почувствовала, что опасность миновала. Семён перестал звонить домой и на работу, не появлялся около её дома.

– Неужели успокоился? – Лера старалась подбодрить подругу, – Слава богу, Сашка, что Челябинск далеко, и видать командировки закончились и деньги на проезд тоже.

Они теперь пытались даже шутить – всё плохое постепенно отходило в прошлое, весь кошмар пережитого Сашей начал забываться.

Однажды поздним летним вечером Саша вздрогнула от неожиданного звонка в дверь, сердце её сжалось от испуга, потому что она никого не ждала, и Лера уже вернулась жить к себе. Она боялась пошевелиться, сидела на диване и от страха казалось перестала дышать. Звонок повторился ещё

несколько раз, потом раздался стук в дверь не сильный, но настойчивый. Саша на цыпочках подкралась к двери и глянула в глазок..., с бурно колотящемся сердцем она открыла дверь. На пороге стоял с огромным букетом сиреневых гладиолусов Макс.

– Сашка, родная моя! Прости меня, я такой был кретин! Я не могу, слышишь, я совсем не могу жить без тебя, давай никогда не ссорится! Я люблю тебя, ты выйдешь за меня замуж? – и он протянул ей маленькое золотое колечко.

Монолог

Лето что-то никак не наступало, июнь на дворе, а почти каждый день идёт дождь со снегом. Такого никто из ныне живущих и не помнил, работники Гидрометцентра выискивали по архивным записям то, что такое безобразие вообще могло когда-то приключиться и не находили подтверждения этому явлению.

Нина Борисовна долго себя уговаривала, что всё же должна к нему поехать в этот день, потом долго собиралась, и вот наконец, ругаясь и проклиная мерзкую погоду и его заодно, добралась.

– Ну, привет, Матвей Гарегович! Не ожидал? Да я и сама не ожидала от себя такого подвига... Ты как тут совсем замёрз или уже попривыкнуть успел? – она с нежностью провела замёрзшей рукой по его волосам, глазам, поцеловала в лоб. – Хотя что тебе – ты всегда был неприхотлив. Турист ты мой вечный! Это я неженка, без горячей воды никогда не могла. И холод не переносу.

Тебе дети привет передавали. Тамарочка всё с гипертонией мается, давление очень высокое – скорая за скорой. Помнишь, когда она родилась, такая славная, тихая была. Мы с тобой даже спать по ночам могли, не орала как другие, она всегда умницей была. Это она в меня, такая же терпеливая и спокойная. И чего у неё давление, откуда такая напасть?

А у Ашотика всё хорошо со здоровьем, да и на работе всё вроде в порядке. Он уже три месяца как заместитель ген. директора! Только вот с Машей опять накрутил, опять бабу завёл, вроде секретарша. Маша бедная уже все глаза выплакала, который раз прощает! Сын наш весь в тебя, такой же красивый и такой же горячий. Паразиты вы, мужики, сколько нам нервов портите.

Она присела, показала ему цветы и положила на небольшой столик букет гвоздик.

– Вот, как ты любишь, красные. Партийные цветы, революционные!!! Я – то больше розовые предпочитаю, если уж гвоздики, а так- тюльпаны неважно какого цвета. В прочем, у нас всегда с тобой были разные вкусы на всё. Молчишь? Ну, ну! Что ты можешь ответить, предатель!

Думаешь я не знаю, что у тебя баб было немерено, ни одной юбки бывало не пропустишь. Конечно, какой соблазн – полный курс студенточек!!! Говорила мне мама, что у вас, у армян, это в крови. Да что уж теперь... ты, Мотя, хоть помнишь, какой сегодня день? Пятьдесят лет как мы вместе, я вот не забыла...

Она обиженно отвернулась от него и вытерла внезапно появившееся слёзы.

– Мотя, зачем ты так меня всю жизнь изводил, разве я не заслужила другого обращения? Я ведь не уродина какая, сам же ревновал к соседу Фильке, и к другу своему Сёме.

Помнишь, как мы в кинотеатре сада Эрмитаж познакоми-

лись? Какой фильм смотрели? Ах, да верно, "В джазе только девушки". Я всегда кино любила, и театр тоже. Но ты нет, ты всё девок больше любил, сволочь ты последняя, и как я только всё это терпела понять до сих пор не могу. Та Ленка тощая, ну чего ты в ней нашёл? А Анька-соседка наша, дура-дурой. Ну, конечно, скажешь сами вешались. Что ты ещё можешь сказать, паразит такой. Может ты меня всё-таки тоже любил, раз столько лет со мной жил? Какой ты мне букет из розовых гвоздик на нашу жемчужную свадьбу подарил!!! Ровно тридцать штук и такие крупные, нежные... Солнышко моё, а я тебя как любила, как любила... до сих пор простить не могу, что ты меня оставил, зачем ты это сделал? Зачем? Лучше бы ещё одну бабу завёл, я стерпела бы, но нет- ты решил уйти и уйти навсегда. А обо мне ты подумал? Как мне жить-то без тебя, кому я нужна? У детей своя жизнь и свои заботы, они и не звонят почти. А я бы за тобой ухаживала, пылинки сдувала, ничего бы тебе делать не пришлось... Ну, почему ты бросил меня на произвол судьбы, гад ты последний, боль моя невыплаканная, суженный мой, единственный...

Ладно, Мотя, не обижайся на меня, ехать мне пора, а то совсем окоченею, видишь, какое лето холодное в этом году. А когда наша свадьба была, почти тридцать – жара, все быстро перепились. А какой ты красивый, стройный был, я млела от счастья. Ну и я тоже ничего, верно?

Помнишь какое платье на мне было шикарное? Длинное

в пол, тогда только в моду входить стали такие, и шляпа с широкими полями, ты ещё долго сопротивлялся, фату хотел. А я шляпу. Я тогда на своём настояла... Наверное, это был единственный раз, когда тебе не уступила. Ну, с праздником тебя, с нашей золотой! Вот дожили – даже и выпить не можем. Видать всё своё и сладкое, и горькое мы с тобой отпили. Пойду, совсем ноги не ходят, еле-еле доплелась. Надо ещё как-то и домой вернуться. А то на этом холоде и околеть недолго. Прощай, Мотичка мой родной, может потеплеет, тогда чаще навещать тебя буду.

И протерев фотографию на памятнике, поцеловав его в губы и перекрестив на прощанье, она поплелась тяжёлой походкой переваливаясь, как старая гусыня, по аллее к выходу кладбища. Моросил противный леденящий дождь.

Её мужчины

15 октября – самая середина осени... Она всегда любила эту пору. Именно в этот день, точно такой же угрюмо-серый, с мелким нудным дождичком, с ковром из золотых листьев, покрывавший чёрный мокрый асфальт, она первый раз вышла замуж.

Тогда ещё и в помине не было никаких пробок в Москве, но в ЗАГС её жених Михаил почему-то приехал на полчаса позже и это, и то, что букет он привёз какой-то страшенький, куций, уже было недобрым предзнаменованием предстоящей совместной жизни. Им было тогда девятнадцать. Свадьбу справляли у её родителей, гостей было человек тридцать и всю мебель из небольшой квартиры вынесли на лестничную площадку, оставили только столы и стулья в большой комнате да широченную тахту для молодых в маленькой.

Она, невеста, блистала в белом платье с искорками люрекса и оборочками на юбке до самого пола, которое сшила мама с тёткой, он пыжился в тогда обязательном, чёрном костюме из жатки и в белой синтетической рубашке, купленной у спекулянтов.

Как и положено на свадьбе, звучали тосты за обильным столом, кричали «горько», они стеснительно целовались, затем гремела музыка в раскрытые зачем-то окна, гости весе-

лились, пели и плясали. Она ничего не ела и не пила-предстояла первая брачная ночь. Оба только слышали о какой-то интимной, таинственной жизни: друг у друга были первыми. . . Но её, этой самой первой брачной ночи, не было. Когда ушёл последний гость, оказалось, что предназначенное для молодых ложе, то есть мамина и папина тахта, было занято изрядно захмелевшим и распластанным во всю её ширину необъятным телом свёкра. Их любезно пригласила к себе переночевать соседка, спали на одной раскладушке даже не раздеваясь, рядом на диване храпел сосед, а в кроватке милое сопение их годовалого сыночка периодически переходило в требовательный рёв, который гасился соседкиным тихим пением.

Женщиной она всё же стала. Это произошло на следующий день на освободившейся тахте. Ничего кроме небольшой боли, она и не поняла. Очевидно всё так и должно было быть-решила она. Следующие пять лет она тоже ничего так и не поняла, потому что не знала, что она должна понять; она честно выполняла свою роль страстной женщины каждую ночь, изображая охи и постанывания, как в кино, выслушивая его объяснения в безграничной любви и отвечая восхищением на его вопросы об удовлетворении происходящим. Длилось это минуты две. Он потел, потел так сильно, что всё бельё было мокрым, как после стирки. Ей было противно, брезгливо и непонятно, что может быть в этом прекрасного. Спросить у матери – невозможно, у подруг –

стыдно. Он был ей предан, выполнял любую домашнюю работу, чинил электропроводку, мыл полы, мастерил какие-то полочки... Со стороны брак удался.

Как-то зимой на работе ей предложили путёвку в Ессентуки. Стояли жуткие морозы, совсем не свойственные этой местности. Большую часть времени она проводила в корпусе, на процедурах и в столовой. За соседним столиком появился мужчина лет тридцати, худощавый, рыжеватый, с невероятно синими глазами. Некоторое время они переглядывались, потом познакомились, потом она влюбилась. Звали его Димой. Она влюбилась и наконец узнала, что такое настоящее наслаждение. Он просветил её во всех тонкостях и премудростях интимной жизни между мужчиной и женщиной. Она познала в ту зиму самое себя, она ждала с нетерпением этих вороватых свиданий, была счастлива бесконечно. Когда закончился срок её путёвки, он проводил её. Оба знали, что никогда больше не встретятся. Было немного грустно.

Вернувшись домой, она объявила Михаилу, что хочет развестись. Он благородно переехал к родителям, оставив ей квартиру, доставшуюся ей от её же бабушки.

Однажды возвращаясь после работы, она зашла в магазин, холодильник давно опустел и ей пришлось набрать кучу продуктов. Сумки любезно предложил поднести мужчина невысокого роста, крепенький, уже начавший лысеть. Оказалось, что живёт он в соседнем подъезде и давно её приме-

тил. В благодарность за помощь, она дежурно предложила выпить кофе или чай, он с удовольствием согласился. Они просидели почти до утра, он с упоением рассказывал о поездках по стране, о красоте природы Дальнего Востока, о чудесах архитектуры Средней Азии, о горных реках Северного Кавказа. Артём был кинооператором и занимался документалистикой. Она влюбилась, что называется по самые ушки. С ним было так интересно, он был старше на четырнадцать лет. Она его боготворила; любовь, восхищение, нежность пронизывали всё её существо до самых кончиков волос. Через год они поженились, родился Славик. А ещё через год Артём пропал без вести где-то в горах Алтая.

От глубокой депрессии её спас Павлик, тридцатишестилетний красавец, работающий в соседнем офисе. Он очень галантно ухаживал, дарил огромные букеты, приносил Славику мягкие игрушки и развивающие игры, даже переехал к ним жить... Но каждый день после работы непременно заезжал к своим родителям и все поручения своей мамы выполнял в первую очередь. По выходным то возил их на дачу, то по будням отвозил сестре продукты, то ехал на далёкий рынок покупать парное мясо для папы, то отвозил маму к дантисту. Она со Славиком была на п-ном месте. Прожив в таком режиме некоторое время, она решила «хватит». Этот маленький сынок её достал. И произошло это как раз в тот день, когда он решился сделать ей предложение. Но, как говорится, его поезд ушёл.

Когда сын подрос и пошёл в первый класс, в её жизни совершенно неожиданно появился Виктор. Они встретились в электричке, оба ехали в командировку в Тверь всего на два дня. Там намечался некий Симпозиум. Разговорились, оказалось, что жена от него ушла, что у него тоже есть сын и почти одного возраста с её Славиком. После заседаний гуляли вместе по городу, сидели в кафе и болтали, болтали обо всём. Он поразил её своим сильным характером: один воспитывал сына, при этом успевал работать над диссертацией, причём, уже докторской. Таких волевых и целеустремлённых мужчин она ещё не встречала. Обменялись телефонами, он жил в Люберцах, встречались редко. Каждый раз она трепетно ждала встречи, ей казалось, что наконец-то этот мужчина и есть её судьба. Прошло два года, но их отношения дальше не продвинулись, о совместной жизни он ни разу разговор не заводил, с сыном своим так её и не познакомил. Когда она забеременела, пришлось сделать аборт: он категорически был против ребёнка. Приезжал обычно по понедельникам после какого-нибудь очередного важного совещания, которое оканчивалось в середине дня. Ей приходилось под разными предлогами отпрашиваться с работы, Любовь была страстной, истосковавшейся, голодной и загнанной в короткие часы встреч. И всё же она понимала, что вся эта романтика бесперспективна. Её опасения подтвердились: однажды позвонив ему домой, она услышала женский голос, который представился женой Виктора.

Потом был Станислав. Она его любила самозабвенно, до такого одурения, что казалось ничего подобного она в своей жизни не чувствовала ни к одному мужчине. Он изменял ей, она это знала, старалась не думать. Жизнь без него, казалось, не имела никакого смысла. Он был художником, творческие личности не могут вести спокойную, размеренную жизнь. И уж однолюбам точно не бывают. Он ввёл её в мир Гойи, Веласкеса, Рубенса и Рембранта – мир нереальной красоты и гармонии, он превозносил импрессионистов, и она смотрела ему, что называется, в рот, широко раскрыв глаза от восхищения, стараясь впитать в себя каждое его слово. Для неё он был Гуру и она прощала ему всех натурщиц и не натурщиц.

Наконец, муки ревности всё же взяли своё и однажды, познакомившись у него же, Станислава, в студии с его тихим другом, поэтом Желтовским, она сначала решила в отместку просто изменить, а потом до того влюбилась в этого непризнанного гения, что когда снова почувствовала, что забеременела, решила не сообщая ему об этом, рожать, оставив себе на память частичку этого необыкновенного романа. Желтовский был женат, имел троих детей, и она подумала, что не стоит обременять его столь пикантным результатом его кратковременной неверности. Родилась восхитительно красивая девочка, имя придумал Славик- Алиса. Он только что дочитал нетленное произведение Льюиса Кэрролла.

Потом на долгие серьёзные отношения у неё просто не было времени, но в силу своей влюбчивой и увлекающейся

натуры в её жизни случались яркие, незабываемые встречи: стоматолог Ривкин- темпераментный интеллигент с белозубой улыбкой, ну очень начитанный инженер Кузьмичёв – поклонник Льва Толстого и Владимира Маяковского, капитан МЧС Приходько- строгий и статный, пленяющий всем своим видом ежеминутной готовности кого-нибудь спасти.

Да, прошло столько лет... в её личной жизни всё было романтично, одухотворённо, поэтично, экзотично..., вот только секса, слава Богу, не было! Да, она это слово, выдернутое откуда-то из анналов западной или медицинской лексики, не признавала. Оно вызывало чувство нечистоплотности, похотливости и скотства. У неё с мужчинами была только любовь: обожание, уважение, восхищение, близость; могла закружиться голова от одного только взгляда, запаха, воспоминания, прикосновения- она любила и была любима!

Сильный порыв ветра освобождал деревья от красных и жёлтых, резных кленовых листьев, немного ещё зелёных, продолговатых листьев ясеня, скрученных в трубочки сухих липовых. Всё это бесстыдство обнажающейся природы, торжествующей осени ложилось беспорядочно к её ногам. Она шла по этому роскошному ковру и наслаждалась нахлынувшими воспоминаниями, жёлтые фонари уже начинали то тут, то там одаривать своим тусклым светом тёмные улицы и переулки. Закопошился телефон в боковом кармане куртки и проиграл такую знакомую битловскую мелодию «Yesterday».

– Мам, ты скоро? Наши мужики есть хотят!

– Да иду, иду! Вот уже к подъезду подхожу, ничего подождают!

Сын Славик давно был женат и они с Леной опять ждали ребёнка, жили отдельно.

Алиса после развода жила на даче у Желтовского. Всё же пришлось ему сказать о дочери, тайну эту выдал болтливый Станислав.

Иногда, как сегодня, Алиса заезжала к матери поболтать, которая никогда не жила одна: у неё обитали три здоровенных кота или, как она их любовно звала, «мужики». Кастрированные Ричи и Шамп и полноценный Рыжик, все беспородные, все подобранные во дворе ещё котятами и превратившиеся в откормленных, ухоженных и холёных сибаритов.

– Вот держи «котакормы», – и она протянула Алисе пакеты с едой для котов. – Руки от холода онемели! Всем купила: и старичкам моим «Ageing Sterilised», и «WHISKAS» Рыжику. Только, Алиса, смотри не перепутай какому мужику что.

– Ну, идите мои лапочки, Ричик, Шапуля, а ты чего, Рыжик, особого приглашения ждёшь? Всё подчеркнуть хочешь, что ты один тут особенный – мужик? – и она ласково потрепала его за ушко, улыбнулась. – Ну уж нет! Все вы тут мои любимые, и каждый особенный!

Самые красивые цветы

Дождь лил уже второй месяц с небольшими промежутками то днём, то ночью и, таким образом, возложенную на него кем-то Высшим миссию – испортить это лето окончательно, вполне оправдывал.

Каждое утро поливочные машины строго по расписанию выезжали из своих стойбищ и со всей энергией водителей-гастарбайтеров добавляли к этому небесному водному потоку ещё и местную водичку, добытую из грязных городских водоёмов: чтобы ни одного сухого местечка ни на асфальте, ни на резиновом покрытии детских площадок, ни просто на остатках тёмно-зелёной тощей травы, то есть НИГДЕ не оставалось.

Лужи, лужи, лужи – это время года раньше было принято называть коротким и весёлым словом лето, а месяц считался самым жарким в Москве. Июль – праздник солнца, цветов и ясного голубого неба.

Вера с тоской посмотрела в окно и вдруг приятно удивилась: дождя не было, а на небе появились некие проблески голубого цвета! О, чудеса всё же случаются! Сегодня у неё День рождения да ещё и суббота, значит весь её план вполне может удасться. Дата, правда, не очень весёлая- уже сороковник, говорят, что и праздновать этот день не стоит. А вот почему так никто и не знает: не стоит праздновать и всё. Но

Вера не была столь суеверна и всё же подготовилась к этому событию по полной программе: и закуски, и салатик, и горячее, и торт, ну и «Мартини» для мамы, «Хеннесси» для себя и подруг, Любочки и Наташи, и «Перцовку» для папы и соседки Дашки, если та соизволит прийти оторвавшись от своего многочисленного семейства. Ну, Любочка и Наташа тоже не должны подвести – всё же школьные подруги.

Кроме папы, мужчин никаких не предполагалось: у Дашки муж риэлтер и все выходные на работе, у Любочки – муж гражданский и не исключена возможность, что он ещё не только её гражданский муж, а у Наташи в данный период жизни полный штиль. Сама Вера была дважды официально замужем, а потом так- по мелочи.

С первым мужем Сашкой она дружила с первого класса, они даже сидели все эти годы за одной партой и понятно, что сразу же после получения аттестата зрелости, эту самую зрелость подкрепили ещё и штампом в паспорте. Но вот почему-то сидеть за одной партой одиннадцать лет это одно, а жить вместе, это оказалось совсем другое, и через год они развелись без особых страданий и упрёков.

Второй раз Вера вышла замуж через два года за брата своего однокурсника Славу. Всё было прекрасно: Слава был старше её на семь лет, кандидат физико-математических наук и вообще очень – очень интеллигентный мужчина. Через положенный срок родился Юрик, очаровательный бутуз, вылитый папочка. Вера уже дописывала диплом и стоило

немного поднатужиться, чтобы она его защитила и не брала академку, но Слава натужиться не собирался, дневной визг Юрика и ночные недосыпы родителей его ужасно раздражали и он переехал жить к своей маме. Пришлось подключить Вериним родителям, диплом был получен вовремя; Юрик попросил и стал спокойно спать ночами, но Слава так и не вернулся. На этом в паспорте была поставлена вторая печать о разводе.

И вот Юрик вырос и уже полгода как служил на доблестном Тихоокеанском флоте.

Характер у Веры был лёгкий, она никогда не переживала по пустякам, обожала всякие сюрпризы, радовалась иногда обыкновенным мелочам. И в этот свой День рождения решила назло природе устроить и себе, и родителям, и подружкам настоящий праздник.

Да пусть себе льёт этот грустный дождь: дома тепло, уютно. Лишь бы девчонки погоды не испугались и родители не захандрили.

Первыми, как и положено, с раннего утра (в восемь часов!) поздравили родители, а потом и сами прибыли ровно в двенадцать.

Всегда чуть меланхоличная Любочка в новом цветастом платье, очевидно первый раз одетом с начала этого лета, и улыбающаяся Наташа, видимо совсем недавно перекрашенная в блондинку сизоватого оттенка, приехали в половину первого, а в час дня явилась вырвавшаяся из домашнего пле-

на Дашка, она была как всегда в джинсах и полосатой майке (правда, фартук снять всё же не позабыла).

К этому времени стол уже был почти накрыт стараниями и Веринной мамы- Людмилы Сергеевны, и Наташи с Любочкой. Дашка тоже внесла свою всегдашнюю лепту- она обожала украшать все блюда разными резными розочками и листиками из овощей и зелени, и обязательно делать мухоморы из половинок помидоров с белыми точечками из майонеза, которые виртуозно наносила спичкой.

В общем, стол получился на славу и по красоте, и по содержанию! И вот, в тот самый ответственный момент, когда Николай Иванович, то есть отец виновницы торжества, разлил принесённое им «Абрау-Дюрсо» по бокалам и все радостно собрались чокнуться богемским хрусталём на высоких точёных ножках, в тот самый момент раздался настойчивый звонок в дверь.

Все удивлённо переглянулись, включая саму Веру, и разочарованно вынуждены были поставить бокалы обратно на стол.

– Верочка, ты ещё кого-то ждёшь? – Людмила Сергеевна ужасно не любила всякие неожиданности, это выводило её из равновесия.

– Да нет, мам, сама не знаю, – и Вера пошла открывать дверь. В коридоре слышались отголоски тихого разговора, потом звук захлопнувшейся двери и на пороге комнаты появилась Вера с невероятно красивым букетом крупных чай-

ных роз на высоких толстых ножках- их было ровно девять.

– Боже, какая прелесть! – Людмила Сергеевна аж задохнулась от восхищения. Наташа недоуменно переглянулась с Любочкой, а Дашка воскликнула: «Ну, и кто это такой щедрый?»»

– Понятия не имею, курьер принёс: доставка такая по интернету, – Вера смущённая, но довольная стала искать достойную этой красоте вазу.

– Ты кончики ножом почисти, дольше стоять будут, – советовала довольная за дочь Людмила Сергеевна.

– Наверное, кто-то с работы, – не унималась Дашка, это ж так дорого!

– Сейчас профсоюзов нет, это поклонник скорее всего, – предположила Наташа. – Ой, я так рада за тебя, Верунчик, так рада! – почти искренне воскликнула она и подняла глаза кверху.

– А это что? – Любочка подняла с пола выпавший листок розового цвета. – Тут записка, Вера! Иди, читай. Вера поставив вазу с волшебно пахнущими цветами, взяла из Любочкиных рук маленький, сложенный вдвое глянцевый листочек и развернув, стала читать, понемногу краснея:

«Самой прекрасной женщине. Помню. Люблю.».

Подписи не было.

– Ну, это наверное Сашка, – Людмила Сергеевна вздохнула, – и чего вы развелись? Он же тебя боготворил!!! Видишь и День рождения не забыл, и любит до сих пор!

Дальше решили всё же выпить за здоровье новорожденной, потом с энтузиазмом продолжился разговор об анонимном дарителе сего сногшибательного букета. Но продолжился этот разговор совсем недолго.

В дверь снова настойчиво позвонили. Продолжая закусывать, Николай Иванович предположил: «ещё кто-то прислал, а мог бы и сам прийти, а то совсем я тут один в вашем бабьем царстве!»

И, действительно, минут через пять Вера опять зашла в комнату с нереально огромным букетом из орхидей! Букет был диаметром полметра в красивой сиреневой упаковке и состоял из белых и тёмно-красных цветков. Комната вновь наполнилась чудесным нежным ароматом и во взглядах улыбающихся подруг, уже кроме восхищения, стали поблёскивать искорки зависти. Букет был до того ослепительно хорош, что вопрос «Кто его прислал?» перекрыл все остальные темы самого смысла события.

В середине букета Вера теперь уже сама нашла небольшую открыточку «С Днём рождения, Верочка! Ты женщина всей моей жизни, будь счастлива, моё солнышко!!!» Вера сияла, а родители и подруги опять принялись обсуждать:

– А может это Слава? Всё же она мать его сына?

– Причём тут сын? Это же про любовь!

– Сашка, вполне мог и Сашка!!!

– Да, а может это тот последний, как его? Дима или Фима?

– Нет, всё же это Слава! Он интеллигентный...

– Да нет, жадный он! А тут такие деньжищи!!!

Разговор продолжался с явным накалом неудовлетворённого любопытства, а Николаю Ивановичу приходилось в одиночестве (даже Даша его в этот раз не поддерживала) и наливать, и чокаяться, и пить за здоровье своей единственной ненаглядной доченьки. Он изредка смахивал неожиданную слезу: «Зачем эти цветы? Мужика-то нет в доме, ох! беда-беда» и выпивал очередную стопочку. Людмила Сергеевна, в отличие от мужа, была горда непомерно, особенно, когда курьер принёс третий букет: белоснежные лилии с широким золотистым бантом стягивающим стебли. Вера, совсем уже пунцовая, тихо прочла «У нас всё впереди, моя несравненная, моя единственная любовь! Поздравляю, целую, всегда твой.».

– Верочка, а эта роскошь от кого? Кто такой «всегда твой»? – Людмила Сергеевна вся сияла от радости, в её чуть затуманенной «Мартини» голове уже рисовался фасон платья, в котором она будет на свадьбе у дочери. – Мам, ну понятия не имею, правда, – ответила через чур смущённая Вера, пытаясь улыбнуться и ставя слишком пахучий шедевр флористики на тумбочку возле открытого окна.

Подруги, конечно, совсем не поверили ей, что она и не предполагает автора записки пославшего такой великолепный букет. Но всё же поддерживали эту, уже действующую довольно отрицательно на их чувствительные нервы, игру будто Вера и впрямь не подозревает кем такой, почти сва-

дебный, букет послан.

– Ох, уж, Верка, хитрюга, небось замуж собралась! А ну, колись! – Даша протянула Николаю Ивановичу свою стопочку. – Это дело обмыть надо! Где там ваша «Перцовочка»?

– Людмила Сергеевна, какая дочь у вас скрытная! Любочка с Наташей переглянулись и тоже решили ударить по «Хеннеси».

– Ну вот, все её мужчины вспомнили! – Людмила Сергеевна налила себе немного «Мартини» и собралась передать бутылку Николаю Ивановичу, но потом, увидев в его руке уже стопочку с «Перцовкой», махнула рукой, долила свой бокал доверху и поставила бутылку на прежнее место.

– Предлагаю выпить за мою Верочку. Будь счастлива, девочка моя родная! – и залпом, не дожидаясь остальных желающих присоединиться, опрокинула полный бокал.

– Ох, какие молодцы!! Вспомнили, что у Верочки сегодня дата важная! – продолжила Людмила Сергеевна, она улыбнулась победоносно оглядев уже чуть подвядших подруг своей дочери. – Да, Верочку мужчины очень уважают, вот и помнят, и забыть не могут...

Затем она, посмотрев на мужа, решила, что праздник удался и пора по домам. Вера вызвала родителям такси и они с чувством глубокого удовлетворения отбыли домой.

Вскоре засобиралась и Даша, поскольку и муж, и свекровь, и дети уже просто не давали ей спокойно провести остаток праздника, постоянно названивая.

Наташа и Любочка робко вызвались помочь Вере с уборкой и мытьём посуды, но бросив последний взгляд на стоящие в вазах роскошные букеты не стали настаивать, когда Вера деликатно отказалась, сославшись, что завтра воскресенье, на работу рано вставать не надо и она не спеша всё сделает сама.

Вера закрыла за подругами дверь и вошла в комнату, походившую теперь на оранжерею. Смешение терпких ароматов экзотических орхидей, удушающих белых лилий, нежных прекрасных роз немного пьянило: ах, как было бы прекрасно, если бы всё это было правдой...

Торопясь домой немного охмелевшая Даша(всё же пару рюмочек «Перцовочки» она пропустила с Николаем Ивановичем), недолго мучилась вопросом «Кто и какой букет подарил Вере?». Конечно, обидно, что её Валик никогда ей подобного не преподнёс бы хоть на 40, хоть на 50, хоть на 100 лет. Но зато у неё есть он, её Валик! Настоящий, любящий и преданный! Ну и пусть он не пахнет лилиями, а большей частью другими запахами(но это только по праздникам!!!). И вот придёт она сейчас... он, конечно, всё ей выскажет, а потом ночью, когда детей уложит и свекровь захрапит в соседней комнате... На кой ей тогда сдались все эти орхидеи Веркины?!!

Наташа с Любочкой медленно направились к метро, но ехать им было в разные стороны, поэтому подробно обсудить произошедшее они не совсем успели. Немного и почти ис-

кренне порадовались за подругу, что в день сорокалетия ей прошлые мужики такие цветы подарили. Ну что ж, сейчас по интернету можно всё что угодно и откуда угодно заказать были бы деньги и желание. Каждая, конечно, не призналась ни себе, ни подруге, что всё же позавидовала Вере, хотя особенно-то завидовать было нечему: Верка ведь тоже всё одна, но всё же внимание, такое внимание- ух, как приятно!!!

Наташу всю оставшуюся дорогу домой почему-то мучил вопрос о лилиях: неужели опять замуж собралась тихоня? А говорит, что я самая близкая подруга её? Интересно всё же КТО? А лилии – это ведь любимые Наташины цветы...

Любочка страдала не столько по вопросу, кто и какой букет подарил, сколько о том, что вообще вспомнил-и и подарил-и?

Неужели бывают такие отношения, неужели можно вот так, столько лет помнить и чувствовать? Она не верила в такую любовь никогда, а тут такое?! И у кого? У Верки? Это ж не двадцать пять, не тридцать, а сороковник! Она меня аж на восемь месяцев старше!!!

Вера медленно убирала со стола грязную посуду и плакала. Она совсем не так собиралась отпраздновать этот день: ей хотелось повеселиться, посмеяться, разогнать эти плачущие летние тучи именно в свой День рождения.

Неделю назад она сама заказала себе в цветочном интернет-магазине «Радость в дом» эти три шикарных букета, сама придумала интригующие надписи на разноцветных запи-

сочках, угрожав на этот сюрприз почти всю месячную зарплату. Она и предположить не могла, что все воспримут это так серьёзно, собиралась за чаем признаться во всём и посмеяться вместе со всеми этой своей оригинальной выдумке. А вышло? Конечно, мама! – у неё никогда не было чувства юмора, вот девчонки и повелись. Глупость какая, теперь и объяснить-то невозможно – обидятся ещё больше!

Слёзы лились уже таким же бурным потоком, как и начавшийся опять несуразный июльский дождь. Вдруг Вере послышался слабый звонок в дверь: «Ну вот, уже и галлюцинации начинаются, Бог наказал.» Но звонок повторился уже более сильно. Вытерев наскоро краем фартука мокрые щёки, Вера подошла к двери и глянула в дверной глазок. На лестничной площадке стояли юноша и девушка. Немного подумав, Вера открыла дверь.

– Здравствуйте. Вера Николаевна Обручева здесь живёт? – твёрдым голосом спросил юноша.

– Да, здесь, – ответила растерявшаяся Вера, – это я. А вы кто?

– Я Алексей Никитин, а это Лена-моя невеста. Мы с вашим Юрой вместе служим. Вернее, служили. Я вот демобилизовался и домой еду.

Вера стояла растерянно глядя на молодого человека и её сердце наполнялось постепенно теплотой и необыкновенной радостью: этот мальчик несколько дней назад видел её Юрочку, разговаривал с ним.

– Проходите, пожалуйста, проходите, – Вера пригласила их войти.

У меня не очень убрано, были гости... но чай можно попить и торт ещё остался.

– Да мы, Вера Николаевна, собственно поэтому и зашли. Юра просил, чтобы обязательно сегодня – ведь у вас День рождения, верно? И вот ещё, – и парнишка протянул Вере три розовые гвоздички. Он сказал, что розовые-это ваши самые любимые.

– Да, это мои самые любимые... Надо же сыночек мой, не забыл, – у Веры сжалось сердце от нахлынувшей нежности.

– Мы долго искали: везде красные.

– Садитесь, располагайтесь, я сейчас чай подогрею, вот торт, – засуетилась она, – как там Юрочка, его не обижают?

– Да мы вообще проездом, у нас поезд через час. Мы вас долго искали: Москву-то совсем не знаем. А за Юрку не волнуйтесь-он в полном порядке, на флоте дисциплина ух какая. Он хорошо служит, ему скоро старшину присвоят.

Не успела Вера закрыть за ребятами дверь, как раздался телефонный звонок- звонил её сынуля. Она знала, что из-за разницы во времени он раньше и позвонить бы не смог, или просто не смог бы – служба!

– Mamочка, с Днём рождения тебя! К тебе Алёшка заходил?

– Да, да только что заходил. Спасибо, Юрочка, сыночек родной мой, любимый, такие гвоздики передал от тебя, ро-

зовые – самые мои любимые, самые красивые цветы!!!

Три возраста черёмухи

1

– Привет, ты одна дома? – встревоженная Галка огляделась проходя на кухню.

– Да, родители ещё на работе, потом какое-то партсобрание... в общем, поздно придут.

– Вот и здорово, а то меня просто распирает. А я так твою маму боюсь, ужас какая она строгая!

– Я и сама её боюсь. Ну, что ж ты хочешь, она ж майор, да ещё и преподаёт. Привыкла командовать. Так что, Галь, случилось? Давай рассказывай. – Таня достала из буфета трёхлитровую банку вишнёвого варенья и литровую из чёрной смородины, протянула подруге столовую ложку, – Ты какое сначала будешь, налегай!

– Вишнёвое.

И подружки – одноклассницы принялись уписывать за обе щёки вожаденное лакомство, запивая изредка его холодной водой из-под крана.

– Сижу я вчера вечером к контрольной по тригонометрии готовлюсь, вдруг звонок в дверь. Субботин заявляется...

– Ну, и чего ему надо? – Таня внимательно посмотрела на

подругу.

– Гулять позвал, погода хорошая, говорит, чего дома сидеть.

– Ну, и что ты? – Таня вытерла перемазанный рот. – Давай поменяемся, теперь ты смородину ешь.

– Да, ну его, Субботина- приставучий, каждый день за мной тащится, надоел. Мне Лёшка из 10"В" больше нравится, только он за Вознючкой ухаживает, дурак! – и она залпом выпила полстакана холодной воды. – Ух, хорошее варенье у вас!

– Да, это бабушка постаралась, прошлым летом столько вишни было, не знали куда её девать, все дачники варенье наварили... А мне Петя вчера целый букет черёмухи приволок, такой огромный, еле в руки поместился. А запах какой! Вся квартира пропахла. Как в раю!!! Даже мама была поражена и даже гулять меня с ним отпустила. – Надо же, Тань, это совсем удивительно! Отпустила?!

– Да, отпустила, я сама удивилась.

– Это наверное потому, что Петька в комитете комсомола, серьёзный!

– Да, ладно. А что ж ты? Пошла с Субботиным?

– Не-а, скучный он какой-то, зануда. Правда, мама говорит, что он добрый и надёжный, дружить с ним можно.

– А ты что с мамой советуешься про мальчишек?

– Ну, да, мы с ней как подружки, я всё ей рассказываю, она у меня такая.

– Да моя тоже меня любит, только строгая очень. Что поделаться – я ведь дочь военных, у нас дисциплина!

– Тань, а ты куда поступать решила?

– Да, пока не решила ничего. Никак не пойму то ли в Строгановку, то ли в ИнЯз.

– Да, лучше в ИнЯз, можно и преподавать, и переводить, и ты к языкам способная. А что художник? Это какой иметь талантище нужно, что б тебя заметили!

– Да, Галка, согласна. Но рисовать я всё же больше люблю... А ты в какой?

– А у меня никаких особых способностей нет- в инженеры! И родители других специальностей не признают кроме врачей и инженеров. А врачом я точно быть не смогу- я очень брезгливая и крови боюсь до чёртиков, а уж трупы! Нет, в инженеры- другой дороги нет!

2

– Привет, подруга! Ох и устала я сегодня. Столько пациентов приняла! Как будто сговорились – прут и прут. Даже наша химичка пришкандыбала, а, главное, Тань, всегда без записи, без очереди прётся! Всё считает, что я её ученица, представь!

– Да, Галка, сама виновата – врач ты от бога, диагноз без всякого рентгена и анализов ставишь, а уж психолог какой: слово скажешь и всё проходит без лекарств.

– Ладно тебе, подлиза. – Галина довольно осмотрела себя в зеркало в прихожей.

– Ой, Танюш, там вареньица с прошлого урожая не осталось? Так что-то на сладкое тянет от этой горькой жизни! И кофейку бы...

– Брось, не гневи бога! – Татьяна поставила на льняную скатерть две глубокие хрустальные вазочки с вишнёвым и малиновым вареньем, подала чай в изящных фарфоровых чашках синего кобальта. – На работе уважают, муж обожает, чего тебе нужно!?

– Обожает?! Да у Мишки, наверное, любовница есть!

– Галка, ты в своём уме? Какая любовница? С чего ты взяла?

– Понимаешь, Тань, он как-то охладел ко мне, я же чувствую, что-то не то! А после того, как папу похоронили и мама на дачу совсем перебралась, он так изменился!

– Так может у него неприятности на работе или заболел?

Ты же врач, ты психолог, Галка, присмотришь! Чего горячку пороть и выводы делать? Я вон тоже на Петечку волну гнала, а потом подумала, подумала и успокоилась. А у нас на кафедре новый Зав, такой лапушка, высокий шатен с проседью. А мужик!! Просто отпад!

– Ты что сдурела? У вас же дети взрослые! Куда тебя потянуло на пятом десятке, Танька? Зачем тебе это?

– Да, я же так, просто для души, должна же я себя ещё женщиной почувствовать. Весна на дворе, черёмуха цветёт,

запах обожаю... Да и от Пети не убудет!

– Ну, ты даёшь! Нет, я бы не смогла. Это ж можно и имена перепутать! – Галина усмехнулась.

– А я их зайчиками буду звать обоих или лучше козликами! – обе рассмеялись.

– Танюш, а мама как себя чувствует, четвёртый год ведь пошёл после инсульта?

– Да, никак. Совсем никак. Я сиделку наняла, устала сама ухаживать. Пусть она теперь сиделку строит, я вот передохнуть решила. Отец, как ушёл от нас, так всё реже и реже объявлялся. А когда с мамой беда случилась – совсем испарился. Тут тебе и любовь, и верность, и преданность. Для себя надо пожить хоть немного, а то дети, Петя, мама...

– Да, наверное, ты права, Танюша. Только вот у меня не получается. Целыми днями в поликлинике, ничего не успеваю по дому. Раньше мама помогала, а теперь, как она на дачу переехала на свежий воздух, то мне ещё мотаться к ней приходится каждую неделю. Вот Мишка видимо налево и намылился. Я давно подозревала, что он ходок, только верить не хотелось. Да ещё у нас и детей нет...

– Говорила, надо было тебе за Субботина выходить. Как он тебя любил, все завидовали!

– Дура была, не разглядела. Считала его занудой, а он, слышала, и докторскую защитил, – и Галя тяжело вздохнув, грациозно отправила в рот очередную ложечку вишнёвого варенья.

– А может давай по маленькой? У меня Бейлиз остался с восьмого марта.

– А давай!

3

– Тань, я что спросить хотела: ты на встречу одноклассников пойдёшь?

– Да, Галочка, вроде надо бы, всё же столько лет прошло, опять же дата круглая! Только боюсь придёшь и всех перепугаешь своим внешним видом: вон как я растолстела! – и Татьяна тяжело вздохнула.

– А ты думаешь, подруга, что все остальные совсем не изменились? Тоже и седые, и толстые, и морщинок полно. Да ещё и больные небось, а некоторых уже и нет. Вон Субботина в прошлом году не стало – инфаркт обширный и всё! А ещё Оленька Видова, помнишь старостой была? Рак...

– Ну вот, и чего на это смотреть и себя демонстрировать? Хотя ты, Галочка, смело можешь идти, выглядишь отлично, – Татьяна грузно опираясь на палочку медленно прошла на кухню и села за стол. – Бери сама своё вишнёвое, там на полочке, мне нельзя- диабет!

– А чего не заходишь, я бы тебе лекарства подобрала эффективные и недорогие, я знаю, что тебе бесплатные положены, но в списках такое... дерьмо, сама понимаешь. Трудно ведь на пенсию, особенно теперь, когда всё так дорого? Я- то

хоть частным образом приём веду, у меня пока ещё пациентов хватает.

– Да, много ли мне надо! Ни пить, ни курить, ни есть, ни кофе, ни Бейлиз – тоска и только! И место в транспорте начала уступать! Вот до чего дожила, – Татьяна отпила из оставшейся от кобальтового сервиза единственной чашки глоток зелёного чая без сахара и грустно посмотрела на цветущую черёмуху за окном.

– Прекрати ныть, подружка, вспомни, как ты зажигала, как своему Петечке рога наставляла развесистые? – Галя подмигнула подружке, та оживилась и в глазах появился почти потухший огонёк.

– Ну, что ж нам, красивым, оставалось делать, раз такой успех?! Да, зажигала и ничуть не жалею, зато есть что вспомнить! Ты ж вот три раза замуж выйти умудрилась! – Ну да, когда с Мишкой развелась, Вадим встретился. А что- очень достойный, талантливый уролог. Его тогда к нам в поликлинику главврачом назначили. Мы как-то сразу друг другу приглянулись. Я его очень любила, мы хорошо жили. Он пылинки с меня сдувал. Когда мама умерла, всё на себя взял.

– Да, помню, помню. Жаль, что умер рано, ему ведь ещё и шестидесяти не было?

– Пятьдесят семь.

– Хороший мужик был, жаль... А с детьми его ты общаешься?

– А как же, и с Володей, и с Кристиной. Они меня не за-

бывают, все праздники поздравляют, правда, заезжают редко, очень заняты: работа, семьи свои и дети. А теперь, когда я за Николашу замуж вышла, они знают, что я пристроена и спокойны.

А как твои мальчики? Часто навещают?

– Мальчики?! Старшему сорок два стукнуло, а младшему тридцать шесть. Да, я и бабка уже со стажем!! Навещают это громко сказано: если звонят раз в полгода и то хорошо.

– Да что ты?! А мне ты не говорила.

– А что говорить, Галочка, что жаловаться? Сама видимо так воспитала, они отца больше любили мне кажется. А как Пети не стало, вся жизнь и кончилась. Я только сейчас поняла, Галка, что на нём весь дом держался. Не на мне, а на нём! Столько я ему боли причинила, так виновата перед ним... – по морщинистой щеке Татьяны скатилась одинокая слеза. Она не смахнула её, затем немного помолчав, добавила, – вот теперь одна и даже детям не нужна.

– Тань, глупости это. И любят, и нужна! Просто с невестками сложнее. Я уж столько историй от своих пациентов наслушалась, зашибись- у всех одно и то же: жалуется, что никому старые и больные не нужны. А это ни так. Просто наступает такое время, когда своей активной жизни уже нет, а дети и внуки- одна радость, свет в окне. Конечно, хочется, чтобы внимание было, чтобы беспокоились и волновались. Но у них своя жизнь, им её прожить надо, и их на старости лет ведь тоже одиночество может ожидать! У тебя хорошие

дети, я же знаю, не накручивай себя, ходи на выставки или в интернете фильмы смотри, если ходить трудно. Найди себе занятия: вяжи, шей, читай- да мало ли! Рисуй, ты же так мечтала в детстве, вот и осуществи мечту наконец, время есть!!! Ну, надо как-то держаться!

А давай-ка всё же на встречу пойдём. Приоденемся, носики припудрим. Ну что? Возьмём такси и прибудем! Давай! Весна на дворе, солнце светит, всё цветёт и мы с тобой ещё ничего, пока не завяли!! А, Танюха?! Возражений не принимаю!!!

И подружки ещё долго сидели, пили чай без сахара и обдумывали в чём бы по эффектнее пойти на встречу с одноклассниками, а в раскрытое окно настойчиво прорывался дурманящий запах черёмухи.

Парик

Галина Петровна пребывала уже не первый день в раздумьях. Раздумья эти постепенно переросли в настоящие мучения. И все эти волнения были вызваны тем, что через неделю ей предстояло поехать на встречу с однокурсниками. Довольно давно (не буду уточнять в каком году именно) она сразу после окончания школы приехала в Москву, поступила в институт, на третьем курсе вышла замуж за москвича Павлика и с тех самых пор живёт и работает в столице.

С однокурсниками связь Галина Петровна поддерживала поскольку постольку, но всё же старалась выбрать время и встретиться по эпохальным датам: 10 лет окончания института, 100 лет со дня его создания и так далее. Очень редко перезванивалась с девочками из своей группы в обычные дни, месяцы и годы. Но вот, когда приближалась назначенная встреча, тут уж начинался настоящий ажиотаж: однокурсники и однокурсницы вспоминали, доставали откуда-то номера телефонов и звонили друг другу почти ежедневно, не оставалась в стороне и Галина.

Годы шли, бежали, мелькали, и встречи однокурсников случались реже и по всё более значительным датам. И вот в этом году стукнуло аж 40 лет со дня окончания института.

Конечно, очень хотелось снова окунуться в обстановку юности, беспечной и прекрасной. Но посмотрев на себя в

зеркало, Галина Петровна обнаружила, что за те пять лет, что они не виделись, глазки стали припухшими, на щёчках появилась предательская сеточка из мелких морщинок, фигура несколько видоизменилась, причём совсем не в лучшую сторону. И самое ужасное, что волос на голове осталось катастрофически мало! Сказались несколько перенесённым операций, но кого это может трогать. Галина всегда выглядела на пять с плюсом и что теперь? Ну как в таком виде показаться на встрече!? – Паша, я в отчаянии, мне так хочется пойти на эту встречу, ребята весь телефон оборвали. А как я такая пойду? Это же ужас, они испугаются!

– Вот уж проблему нашла, Галчонок! Да и они ведь не помолодели: мужики ваши небось все или лыбые, или седые, или и то и другое. Ну женщинам-то проще: всякий макияж и стрижка.

– Какая стрижка! Что мне стричь-то?

– Да что ты так распереживалась, ты всё равно там будешь самой красивой и молодой!

– Ой, тебе всегда всё хорошо, – чуть не плача посмотрела она на мужа.

– Ну да, я же женился на самой интересной девушке!

После долгих препираний и выслушивания дежурных, но искренних комплиментов в свой адрес, Галина Петровна пошла звонить самой близкой подруге Милочке. Та, выслушав поток отчаянных стенаний, спокойно разрулила ситуацию.

– Галя, прекрати панику. Уж на два часа даже в нашем

возрасте можно сделать лицо!

– Лицо возможно, а с головой что делать?

– Ну это-то ещё проще: а парики на что? Вон весь шоу-бизнес в париках: и Распутина, и Пугачёва, и даже Кобзон!

И ничего- прекрасно выглядят!

– Так они же на сцене, а я – то в компании: все рядом, близко очень, заметят, что у меня парик- стыдно будет.

– Глупости какие!!! Приезжай ко мне – что-нибудь подберём, у меня всякие есть.

– Да что ты, а я и не знала. Тебе – то, Мила, зачем? У тебя ж свои волосы ещё нормальные, густые! Ни то, что у меня – вся кожа видна, особенно сзади просвечивается! – и Галина захлюпала носом.

На следующий день обе подруги рассматривали Милочкины парики. Галина все перемерила, но ни один ей не понравился. Вернее, она сама себе в этих париках никак не нравилась- совсем не её цвет, из зеркала смотрела на неё какая-то чужая тётка!

– Ладно, хотела обойтись малой кровью, но видимо придётся покупать. Поехали!

И Милочка повезла подругу в один супермаркет, где на первом этаже в небольшом закутке скучала продавщица. Все стены этого закутка и прилавков были увешаны болванками с различными париками. Длина разная, цвет на любой вкус, и цена соответственно от N-ной суммы до бесконечности. У Галины Петровны глаза разбежались и через минуту она уже

примеривала и рассматривала себя в зеркало и... опять была своим видом недовольна. Продавщица с совершенно бесстрастным лицом, доставала уже из стоящих в углах огромных баулов всё новые и новые парики. Она их всё с таким же равнодушным видом расчёсывала и протягивала Галине Петровне. Наконец, о чудо! нашёлся нужный парик: и длина такая как нужно, и цвет практически такой же, как её крашенные волосы, и густота не очень напрягает: всё естественно!

Но цена! Даже Милочка, искушённая в таких делах, ахнула.

– А что вы хотите, – наконец-то проснулась и возмутилась продавщица, – это же натуральные волосы! Но вам и правда хорошо, совсем не отличишь.

Заплатив за выстраданную красоту почти две пенсии, Галина Петровна с Милочкой пошли отметить это неординарное событие тут же в кафе, заказав на оставшиеся копейки воду без газа.

– Милочка, теперь, что Паша скажет. Его решающее слово: быть или не быть. Нет: носить или не носить!

Приехав домой и облачившись в только что приобретённую пушистую шапочку из чужих волос, Галина Петровна предстала перед мужем, который лёжа на диване был увлечён показом Зимней Олимпиады в Корее.

– Паша, ну как? – кокетливо спросила она.

– Что «как»? – отозвался он, не отрывая от экрана глаз. –

Опять новая кофточка? Вполне, тебе очень идёт.

– Да нет, причёска моя как? На голову посмотри.

– Очень хорошо, – он перевёл взгляд на жену, – ну вот, а ты волновалась. Классная стрижка!

– Так ты ничего не понял? Значит это то, что надо, – и она принялась в красках описывать свой поход за париком.

Через неделю, в новом платье, новых туфлях, с потрясающим макияжем (знакомая косметичка постаралась) и в новых волосах, Галина Петровна уже одевала сапоги, собираясь на встречу с однокурсниками, как в это время заиграла знакомая мелодия в смартфоне. Звонила однокурсница Наталья:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.